

ПО НОВОДУ СТАТЬИ Г. В. ДЕРМОНТОВА

ЛОШАДЬ, ВЫБЪЗКА И ВЪЗДЪ (*).

Прочитавъ съ большимъ любопытствомъ статью г. Дертмонтова, которая касаясь самыхъ жизненныхъ вопросовъ кавалерійскаго дѣла, мы признали необходимымъ увѣститъ себя въ некоторыхъ высказанныхъ въ ней взглядахъ и предположеніяхъ, такъ глубоко, повидимому, связанныхъ съ будущаю судьбою нашей кавалеріи.

Г. Дертмонтовъ, по призыву друзей своихъ предшественниковъ, является какъ будто бы защитникомъ давно образовавшейся у насъ школы *кавалеріиства-прогрессивнаго*, стремящагося отбросить отъ ошибочныхъ взглядовъ остальную заблудшую братію, и желающихъ пересоздать кавалерію на новыхъ началахъ, опрокинувъ все ея прошедшее и вырвавъ съ корнемъ все старое, но ихъ мнѣнію, ненужное и въ вѣкъ прогресса несовременное.

Лишнимъ было бы доказывать, что истинный прогрессъ состоитъ не въ томъ, чтобы, опрокидывая старое, принимать и усваивать, почти безъ всякаго разбора, новое, еще не испытанное и въ дѣйствительности далеко не доказанное. Видѣть и исправлять постепенно ошибки стараго, учиться изъ уроковъ прошедшаго, всматриваться въ настоящее и судить о немъ безпристрастно, не увлекаясь черезчуръ новыми теоріями, думать и заботиться объ улучшеніи будущаго, вотъ истинный, намъ кажется, путь къ прогрессу.

Не касаясь высшаго административнаго и тактическаго вопроса о значеніи и числительности кавалеріи въ государствѣ,

(*) „Военный Сборникъ“ 1867 года, № 9, стр. 67.

мы не можемъ не согласиться съ г. Лермонтовымъ въ томъ, что сильное балованіе и изнѣживаніе лошадей теплыми конюшными и манежами не пріучитъ ихъ къ *военнымъ трудамъ* и *невыгодамъ*.

Но намъ кажется, что г. Лермонтовъ забылъ сдѣлать исключеніе относительно резервовъ, гдѣ молодые лошади требуютъ большаго ухода, дабы, искусственно охраняя ихъ отъ вреднаго вліянія суровости климата, дать имъ, по возможности, вполне развиться и оврѣпнуть для перенесенія будущихъ трудовъ въ дѣйствующихъ эскадронахъ, гдѣ онѣ легко могутъ встрѣтить всѣ невыгоды, сопряженныя съ военнымъ временемъ.

Привода въ примѣръ мусульманскую конницу, громившую нѣкогда европейцевъ (*), г. Лермонтовъ сдѣлалъ двѣ ошибки. Во-первыхъ, мусульманская кавалерія существовала подъ другими климатическими условіями. Арабы и понинѣ самые образцовые, между мусульманами, кавалеристы; а между тѣмъ, они съ особеннымъ тщаніемъ берегутъ и холятъ жеребенка, подготавливая его постепенно къ перенесенію всевозможныхъ, для нашихъ лошадей почти немислимыхъ, трудовъ и лишеній, о чемъ свидѣлствуютъ всѣ путешествовавшіе по Востоку, а въ особенности замѣчательнѣйшая въ этомъ дѣлѣ личность, французскій генералъ Домъ. Такое воспитаніе и постепенное приготовленіе лошадей у арабовъ продолжается почти до семилѣтняго возраста, тогда какъ у насъ, напротивъ, резервные эскадроны отправляютъ въ дѣйствующіе полки большею частію лошадей, не имѣющихъ еще полныхъ пяти лѣтъ. Слѣдовательно, мнѣніе г. Лермонтова относительно избалованія лошадей въ резервныхъ эскадронахъ, при суровости нашего климата, въ которомъ животныя достигаютъ болѣе поздняго, нежели въ теплыхъ странахъ, развитія, состоитъ въ томъ, что мы не умѣемъ такъ постепенно, какъ арабы, готовить нашихъ лошадей. Желательно бы было, конечно, чтобы жеребенокъ съ рожденія былъ поставленъ въ самыя грубыя условія жизни; но преслѣдуетъ обратитъ вниманіе на то, какая пропорція при подобныхъ условіяхъ не достигнетъ совершеннаго воз-

(*) Не бывъ хорошо знакомы съ другими европейскими кавалеріями, мы будемъ говорить здѣсь объ нихъ судя по нашей регулярной кавалеріи, исторія которой за послѣдніа двадцать лѣтъ намъ весьма близко извѣстна. Большой ошибки въ этомъ быть не можетъ, ибо намъ кажется, основываясь по крайней мѣрѣ на отзывѣхъ людей достойныхъ вѣры, что наша конница во многомъ стоитъ даже выше другихъ европейскихъ кавалерій.

раста, какъ лошади, не сбереженные и не вымытвшіяся хорошо въ первые годы своей жизни, послѣ постоянно болѣютъ, и, наконецъ, какъ отъ злокачественныхъ и затяжныхъ да бродячихъ мытовъ лошади падаютъ или получаютъ неизлечимые саны. По нашимъ наблюденіямъ, большая часть лошадей плохихъ степныхъ косяновъ всегда подвергалась этимъ невзгодамъ. Если же въ настоящее время нашимъ заводчикамъ и правительству такъ дорого обходится лошади, то во сколько дороже обходились бы онѣ, когда, по необходимости, не были бы соответственно защищены противъ всѣхъ суровостей нашего климата? Многихъ нашихъ степныхъ заводчиковъ скорѣе можно упрекнуть въ небрежности относительно молодыхъ лошадей, чѣмъ въ излишнемъ ихъ балованіи. Просимъ читателей замѣтить, что мы вовсе не говоримъ здѣсь о рысистыхъ заводахъ *мусульманскихъ* заводчиковъ, или объ лошадяхъ чистокровныхъ арабскихъ, которыя требуютъ болѣе постепеннаго акклиматизированія въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Кто видѣлъ приводимымъ съ Востока къ намъ лошадей, и слѣдилъ за перемѣнами, которыя съ ними происходятъ, тотъ не упрекнетъ насъ въ неправильности взгляда, требующаго отъ европейца послѣдовательности въ обращеніи съ этими животными. Старыя же лошади въ резервахъ, такъ называемыя кадровыя, при своихъ усиленныхъ трудахъ вполнѣ заслуживаютъ болѣе покойнаго отдыха. Манежъ нельзя называть предметомъ роскоши, лишь балующимъ челоуѣка и лошадь, а скорѣе можно назвать лучшимъ и необходимѣйшимъ средствомъ, въ нашемъ климатѣ, для подготовленія лошади и даже челоуѣка къ военному времени, т. е. для пріивитія нашей кавалеріи всѣхъ тѣхъ достоинствъ, которыми обладала въ бывшее время такъ восхваляемая г. Лермонтовымъ мусульманская конница, а именно: упругости, ловкости, сносности и стойкости всякой отдѣльной кавалерійской единицы.

Во-вторыхъ, ежели, по мнѣнію г. Лермонтова, мы въ настоящее время не вполнѣ отвѣчаемъ указаннымъ намъ образцамъ, то слѣдуетъ замѣтить, что если и существуетъ для Россіи гдѣ-либо опасный врагъ, то конечно на Западѣ, а не на Востокѣ, т. е. такой же, какъ и мы, по словамъ г. автора „избалованный европеецъ“. Хотя мы далеко не такъ балуемъ лошадей, какъ ихъ балуютъ англичане, эти профессора гипическаго дѣла, но во всякомъ случаѣ нельзя не поблагодарить

г. Лермонтова за то, что онъ не хотѣлъ намъ, омуслиманамъ, Дѣйствительно, въ этомъ отношеніи намъ, европейцамъ, не мѣшало бы научиться у нихъ, какъ обращаться съ конями и какъ подготавливать ихъ для боя.

Свершено справедливой выводъ сдѣлалъ г. Лермонтовъ, что преимущество останется всегда за той кавалеріей, у которой: 1) есть боевые начальники, 2) кони лучше, и 3) которая меньше понижена. Посмотримъ же, что предлагаетъ намъ авторъ вышеупомянутой статьи для достиженія этихъ цѣлей.

Первое, что предлагаетъ г. Лермонтовъ, это идти согласно природѣ въ дѣлѣ образованія человека и лошади. Совѣтъ чрезвычайно практичный, и желательно, чтобы онъ исполнялся во всей строгости. Но для этого не слѣдуетъ поощрять нашу кавалерію такими людьми и лошадьми, при обученіи которыхъ приходило, пошевелить, идти въ разрывъ съ природой. Въ подтвержденіе этого высказъ справедливаго совѣта своего, авторъ приводитъ весьма извѣстный расказъ о какомъ-то дикомъ рекруткѣ-нахалѣ, который сумѣлъ справиться и лучше удержаться на конѣ, чѣмъ все присутствовавшее тутъ невидерлы, а между тѣмъ былъ перечисленъ въ канцелярію за неспособностію будто бы не вѣдая, вѣроятно оттого, что онъ пошелъ въ дружи *кавалеристовъ-профессоровъ*, не сумѣвшихъ дать надлежащее направленіе его природной ловкости, а главное его окатъ въ лошади. Странно, что многіе изъ насъ еще того убѣжденіи, будто бы правильная посадка служила и служить лишь для украшенія кавалеріи или просто кавалериста, и что это есть вещь выдуманная, но какой-то прихоти, для народа, а не для боя. Подобный неправильный взглядъ происходитъ оттого, что многіе, начиная обучаться верховой ѣздѣ, не желаютъ принудить себя къ правильной посадкѣ. Посадка необходима, потому что при ней нѣтъ возможности упасть съ коня, при самыхъ даже неожиданныхъ и неправильныхъ его движеніяхъ. Однимъ словомъ, правильная посадка защищаетъ человека отъ всѣхъ опасностей, и случайностей. Но невозможно, чтобы такое гимнастическое упражненіе давалось само собою, безъ всякаго предварительнаго принужденія; вѣдь и балетное танцовство и лазаніе по шестамъ и канатамъ не даются вдругъ, безъ всякаго труда и первоначальнаго усилія. Но чѣмъ способнѣе человекъ отъ природы, тѣмъ легче достигаетъ онъ правильнаго сидѣнія на ло-

шади. Есть люди, которые почти съ первых уроковъ весьма ловко, а затѣмъ и красиво сидятъ на лошади; потому-то и слѣдовало бы дѣлать самый строгій выборъ людямъ, поступающимъ въ кавалерію, несмотря только на одинъ ростъ и благовидность физиономіи. Тутъ, кромѣ образцоваго поведения, большого развитія умственныхъ способностей, нужна еще, если возможно, врожденная любовь къ лошади, а главное, необходимо вполне правильное и здоровое сложеніе тѣла. Съ таковымъ рекрутомъ, правильно обученнымъ, не сравнятся ни въ удали, ни въ ухорствѣ ни одному калмыку. Мы полагаемъ, что почтенный авторъ, узнавъ, что правильная посадка есть лучшее и необходимѣйшее средство для крѣпкаго сидѣнія на лошади, не назоветъ ее напраснымъ удовольствіемъ мертвой, нѣмецко-кавалерійской рутинѣ (*).

Г. Лермонтовъ говорить, что вопросъ о лошади есть вопросъ о кавалеріи: что сдѣлаетъ лошадь, то сдѣлаетъ и кавалерія (т. е. всадникъ). По нашему убѣжденію, и на самой отличной лошади рѣшительно ничего не сдѣлаетъ плохой всадникъ.

О нашемъ взглядѣ на истинную красоту лошади мы уже давно и неоднократно заявляли, совмѣстно съ другими, смотрящими безпристрастно на этотъ предметъ, а потому и не станемъ спорить съ г. Лермонтовымъ, что „истинная красота должна отвѣчать внутреннимъ качествамъ“, или даже, еще лучше, прибавимъ отъ себя, что истинная красота должна именно заключаться во внутреннихъ достоинствахъ лошади. Во всякомъ случаѣ, покорнѣйше просимъ г. автора не называть всякаго великороссійскаго, нигуда подъ-верхъ негоднаго, сыраго, мужицкаго выкормка — арабскимъ кошемъ. Не знаю, откуда г. авторъ черпалъ свѣдѣнія объ арабскихъ лошадяхъ, что пришелъ къ такимъ невыгоднымъ заключеніямъ; что же касается до насъ, то мы совершенно въ другомъ убѣдились, потому что сами видѣли и слышали, да кое-что читали, въ особенности достопримѣчательнѣйшее сочиненіе г. Домэ „Les chevaux du Sahara et les mœurs du desert“: здѣсь неодно-

(*) Не можемъ не замѣтить, что во время нашей вѣсколько-лѣтней службы противъ посадки возставали вообще только тѣ, которые или дѣйствительно такъ богато были одарены природою, что не въ состояніи были достигнуть и кое-какой правильности въ этомъ дѣлѣ, или же тѣ, которымъ лѣтъ не позволяла принудить себя, особенно при первыхъ урокахъ, къ исполненію даваемыхъ имъ совѣтовъ.

кратно говорится о чрезвычайной сносливости и воздержанности арабскихъ лошадей, о которой даже и не снилось нашимъ башкирамъ и восхваленнымъ казакамъ.

Оставляя въ сторонѣ всю теорію Дарвина, мы прекрасно знаемъ, что климатическія и мѣстные условія жизни отчасти вліяютъ на измѣненія наружныхъ формъ лошади. Тутъ однако, рождается невольнo вопросъ: отчего чистокровныя или, лучше сказать, чистопородныя донскія лошади, вѣчно блуждающія съ опущенною головою по бесплодной степи и вслѣдствіе того какъ будто стремящіяся опустить, т. е. понизить свой передъ, рождаются по большей части съ вывороченною вверхъ шею и вадернутою, безобразно-щекатою головою; между тѣмъ какъ лошади, производимыя отъ арабскихъ, также точно проводящія половину года на подножномъ корму, все-таки остаются съ высокоприподнятой шеей и благородно-опущенной, сухой головою?

Не станемъ же терять времени на избитой уже темѣ о лошадиныхъ породахъ. Давно извѣстно, которая порода лучше во всѣхъ отношеніяхъ. Не дождемся мы, кажется, того счастливаго времени, чтобы чужестранцы брали у насъ, на вѣсь золота, нашихъ, восхваляемыхъ нами, башкирскихъ и донскихъ лошадей, для улучшенія своего коннозаводства. А нельзя же отказать многимъ европейцамъ въ послѣдовательности улучшенія породъ своихъ лошадей и пріивітія къ нимъ, все болѣе и болѣе, практическихъ достоинствъ.

Перейдемъ теперь къ опредѣленію, какая именно нужна для боя лошадь, при нынѣшнемъ состояніи цивилизаціи въ Европѣ, и чего мы въ правѣ ожидать, при всеобщемъ усиліи, отъ нашего коннозаводства, имѣющаго самыя богатыя данныя для своего развитія. При опредѣленіи достоинствъ лошади, намъ нужно предварительно обозначить, что именно требуется отъ всякой отдѣльной кавалерійской единицы для полнаго удовлетворенія условіямъ боя. *Во-первыхъ*: нужно, чтобы всякая кавалерійская единица, т. е. всадникъ съ его лошадью и полнымъ снаряженіемъ, были между собою какъ можно тѣснѣе связаны; чтобы все въ нихъ гармонировало, сливалось въ одно дѣйствительно цѣлое, въ которомъ составныя части не разъединялись бы и не противодѣйствовали бы другъ другу. Для этого необходимо полнѣйшее искусство всадника во владѣніи своимъ конемъ; знаніе въ высокой степени своей лошади,

т. е. инстинктивное чувствованіе и пониманіе, на сколько и когда что можно требовать отъ лошади, дабы излишнимъ требованіемъ не изнурить коня и тѣмъ не умалить его достоинствъ; наконецъ, самое легкое и удобное снаряженіе, какъ коня, такъ и человѣка, для облегченія обоимъ трудовъ. Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ мы дѣйствительно грѣшимъ еще много, а особенно въ послѣднемъ, такъ какъ наши нынѣшніе солдатскія сѣдла тяжелы и неудобны.

Во-вторыхъ: необходимо, чтобы всякая кавалерійская единица была какъ можно болѣе поворотлива и подвижна. Для этого нужно не растянутой лошади и ѣзды, а какъ можно болѣе собранной и окороченной, дабы центръ тяжести кавалериста былъ, по возможности, на серединѣ. Всякому извѣстно, что гораздо легче сдвинуть съ мѣста тѣло, хотя бы и грузное, но центръ тяжести котораго на серединѣ, чѣмъ такое, котораго центръ тяжести будетъ придвинуть къ какому-либо концу. Нужно, чтобы вся сила, такъ сказать, группировалась въ одной точкѣ, вполне послушной всякому моральному движенію всадника, чтобы это было одно тѣло, имѣющее одну оживляющую его душу.

Въ-третьихъ: нужно, чтобы эта единица была легка и быстра какъ молнія, при движеніи своемъ впередъ. Для этого нужна сила лошади, а въ особенности развитіе ея зада. Извѣстно, что сила скачка лошади, или величина пространства переноса всего ея корпуса, зависитъ не отъ переднихъ конечностей, а отъ толчка, посылаемаго всему тѣлу лошади задними ея сочлененіями. Чѣмъ эти сочлененія эластичнѣе и сильнѣе развиты, тѣмъ толчокъ больше и скачокъ шире. Само собою разумѣется, что чѣмъ болѣе лошадь собрана и ходить на задъ, т. е. посаживается, тѣмъ болѣе гимнастируется ея задъ, или тѣмъ легче сокращаются ея сочлененія, чтобы потомъ съ большей силой расправиться и дать всему тѣлу, а въ особенности облегченному и приподнятому переду, возможность захватить большее пространство. Слѣдовательно, не растянутое положеніе есть самое выгодное для быстрой скачки, а напротивъ—окороченное. Однимъ словомъ, легко сгибающееся и разгибающееся тѣло, въ видѣ пружины, будетъ дѣлать большіе скачки, чѣмъ прямое, негибкое тѣло, движимое одинаковымъ числомъ жизненной силы.

Въ-четвертыхъ: нужно, наконецъ, чтобы такая вполне бое-

вая единица въ состояніи была безъ изнуренія переносить всѣ лишенія и неудобства военнаго времени. Для этого также необходима лошадь, закаленная въ ежедневныхъ трудахъ, къ которымъ она была подготовлена постепенными упражненіями, укрѣпляющими и развивающими ея мускулатуру. Искусство лучше природы даетъ возможность устремить всѣ усилія на развитіе силы въ тѣхъ частяхъ тѣла лошади, которыхъ служба болѣе необходима человѣку. Въ этомъ отношеніи, маневренныя упражненія и соответственное воспитаніе лучшую могутъ оказать помощь.

Обозначивъ, такимъ образомъ, главныя, необходимыя для боя достоинства кавалерійской единицы и указавъ ихъ источникъ, мы легко можемъ опредѣлить, какой намъ нужно, для достиженія всего этого, лошади и какая ѣзда для насъ выгоднѣе. А именно, для этого лучше всего пригодилась бы намъ чистокровная арабская лошадь или всякая къ ней подходящая, а главное воспитанная и содержанная по правиламъ вѣчноблуждающихъ по глухимъ степямъ и постоянно-бодрствующихъ бедуиновъ.

Хотѣлось бы намъ рассмотреть и дальше статью „Лошадь, выѣздка и ѣзда“, но мы здѣсь встрѣчаемъ такую странность возрѣній г. автора, что, вдаваясь въ подробный разборъ статьи, намъ пришлось бы затратить, непроизводительно, много труда и много времени, а потому можемъ только посоветывать всѣмъ нашимъ собратамъ-кавалеристамъ перейти, для лучшаго подтвержденія теоріи объ *упорѣ*, отъ мундштука и уздечки къ какому-либо пятому подставкамъ, для уравновѣшиванія ихъ лошадей. А людямъ, употребляющимъ еще понынѣ для управленія лошадей уздечку съ тонкими удилами, напримѣръ казакамъ и башкирамъ, советуемъ замѣнить ее какому-либо толстымъ кускомъ желѣза или дерева, представляющимъ болѣе точекъ опоры для рта лошади.

Разсматривая вопросъ объ *упорѣ* даже съ точки зрѣнія г. Лермонтова, останется преимущество за презираемой имъ и будто уже отжившей свой вѣкъ школой. Довольно только взглянуть на снаряды, употребляемые донцами и регулярною кавалерією, чтобы убѣдиться, что тонкоудилая уздечка не можетъ давать достаточно гарантіи *упору*; между тѣмъ какъ мундштукъ, съ толстымъ удиломъ и придѣланными къ нему рычагами, представляетъ рту лошади, при меньшемъ усилии

со стороны всадника, больше точек опоры, не беспокоя его на столько, какъ тонкоудилая уздечка. Подобная уздечка, къ которой прибѣгаютъ, по словамъ г. Лермонтова, въ случаѣ совершенной уже недѣйствительности мундштука, есть, по мнѣнію нашему, болѣе варварскій снарядъ, чѣмъ нынѣшній мундштукъ.

Остается намъ замѣтить, что при сужденіи о быстротѣ скакуновъ, съ прямыми вытянутыми шеями, г. авторъ забылъ, что арабская лошадь не вытягиваетъ на столько шеи потому, что одарена отъ природы болѣе широкими ноздрами и обширнымъ, удобопомѣщающимся горломъ.

Совершенно вѣрно указываетъ намъ г. Лермонтовъ на Довь, какъ на мѣсто, въ которомъ пріютилось наше коннозаводство, и которому исключительно суждено снабжать нашу кавалерію лошадьми. Дѣйствительно, донскія степи имѣютъ всѣ необходимыя условія для воспитанія мощнаго, легкаго и вполне боеваго коня, а потому—то мы и должны обратить все свое вниманіе на улучшение тамошняго коннозаводства, дабы переродить теперешняго, болѣею частію неуклюжаго, донскаго коня на лошадь, подходящую къ арабскому типу. Возможность этого доказывается примѣрами и законами, указанными намъ самимъ г. Лермонтовымъ. Что же касается до лицъ „bien montés“ въ военное время на башкирѣ или на черкесѣ, то это вовсе неудивительно: чаще всего это бывають личности, которымъ почти впервые приходится сѣсть на лошадь. Обращенію же съ правильно-выѣзженнымъ конемъ не такъ легко обучиться; потому—то эти личности и предпочитаютъ имѣть дешевую лошадку со всею ея грубою, для всякаго доступною пріѣздкою.

Оставляя въ сторонѣ довольно избитыя уже правила объ обученіи рекрутъ и о выѣздкѣ молодыхъ лошадей, закончимъ нашу статейку словами, что судьба нашей кавалеріи находится теперь въ мощныхъ и опытныхъ рукахъ; слѣдовательно, нечего бояться дурнаго вліянія новыхъ теорій, такъ громогласно проповѣдуемыхъ намъ господами „кавалеристами-прогрессистами“.

Левъ Ельскій.

Слобода Ольховатка.
14-го ноября 1867 года.